

1.9. ПАТЕНТЫ НА БИЗНЕС-ИЗОБРЕТЕНИЯ И КОНКУРЕНЦИЯ

Миронов В. Н., МФТИ, Долгопрудный, ЦЭМИ РАН, Москва

В статье на основе литературных источников дан краткий обзор мировых тенденций в разрешении противоречий между легальной монополией, обеспечиваемой институтом патентования, и антимонопольной политикой. Показано, что дискуссия об иммунитетах интеллектуальной собственности, ведущаяся по настоящее время, могла бы быть более плодотворной, если бы стороны критически осмыслили опыт патентования бизнес-изобретений и применения иммунитетов интеллектуальной собственности в развитых странах. Вполне возможно, что мы стоим на пороге радикальных изменений в антимонопольной политике вплоть до ее замены каким-то другим решением противоречий, возникающих в цифровой экономике.

Введение

Развитие цифровых технологий меняет природу рынков, расширяя возможности корпораций и снижая эффективность традиционных законов, регулирующих деятельность фирм и корпораций. Об этом достаточно много пишут западные экономисты [Basu and Hockett, 2021]. Об этом же достаточно острая дискуссия идет в России [Козырев, 2021]. Это лучше всего иллюстрируется антимонопольным законодательством. Благодаря новой технологии увеличивается отдача от масштаба производства, и, кроме того, различные компоненты одного и того же конечного продукта могут производиться разными фирмами в отдаленных местах [Basu, 2021]. Традиционное антимонопольное законодательство неприменимо к этим рынкам, поскольку высокая отдача от масштаба является естественной, а не искусственно вызванной. Это вынуждает современно мыслящих экономистов искать новые способы регулирования таких рынков. В этом контексте интересно рассмотреть вопрос о патентовании способов ведения бизнеса или, иными словами, бизнес-изобретений.

Дискуссия об иммунитетах

Как уже говорилось выше, патенты на бизнес-изобретения дают обладателям таких патентов возможность воспользоваться «иммунитетом интеллектуальной собственности» и тем самым отбивать обвинения антимонопольных ведомств в злоупотреблении монопольным положением. В этой связи представляет значительный интерес дискуссия об изменениях в антимонопольном законодательстве, начатая в статье [Доценко, Иванов, 2016] и непосредственно связанная с инициативой Федеральной Антимонопольной службы (далее – ФАС) по изменению законодательства о конкуренции, расширяющей сферу внесудебного вынесения решений по делам о злоупотреблении правами интеллектуальной собственности и доминирующим положением на рынке. В первую очередь речь идет о попытке исключить часть 4 из статьи 10 и часть 9 из статьи 11 закона о защите конкуренции (Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ). В обоих случаях исключению предлагается формулировки об иммунитете прав интеллектуальной собственности. Приведем дословно.

«4. Требования настоящей статьи не распространяются на действия по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг. (ст. 10)»

И, соответственно.

«9. Требования настоящей статьи не распространяются на соглашения о предоставлении и (или) об отчуждении права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг. (ст. 11)»

Разумеется, предлагаемые изменения не формулируются явно как отказ от судебной процедуры в пользу административной, проводимой силами и средствами самой ФАС. Однако фактически имеет место попытка добиться именно этого, поскольку указанные выше ограничения по применению статей 10 и 11 успешно преодолеваются в судебном порядке, о чем много говорилось экспертами на Круглом столе в Аналитическом центре при правительстве РФ 11.12.2017 г., а также в публикациях специалистов [Вороженич, Третьяков, 2017].

Для обоснования предлагаемых изменений руководство ФАС выдвигало два убедительных на первый взгляд тезиса. Первый из них – необходимость адаптации закона о защите конкуренции к условиям цифровой экономики, второй – стремление следовать в данном вопросе общепринятой практике развитых стран. При этом инициаторами изменений подчеркивается, с одной стороны, необходимость содействия инновациям, с другой стороны, сложность измерений в цифровой экономике, трудность определения границ рынка и множество других сложностей, реально имеющих место быть. Примерно та же позиция сохраняется у руководства ФАС и на данный момент. Однако оба тезиса представляются

весьма и весьма спорными и, хуже того, дефект есть в самой постановке задачи. В ней можно легко заметить противоречие.

Сложность измерений, определения границ рынка и другие реальные сложности всегда повышают возможность ошибки в оценке последствий решения об административном вмешательстве в экономику. Негативные последствия такого вмешательства могут многократно перевесить положительные. Поэтому судебная процедура в этом случае имеет очевидное преимущество перед административной. В суде, если рассмотрение дела производится по обычной процедуре, присутствует состязательность. Кроме того, у каждой из сторон есть возможность привлечь экспертов самой высокой квалификации, совместно рассмотреть вопрос всесторонне и объективно. Но это – лишь самое очевидное и сразу бросающееся в глаза несоответствие между заявленными целями по адаптации закона о конкуренции к реалиям цифровой экономики и выбранными средствами достижения этих целей.

Зарубежная практика разрешения противоречий

Более глубокие противоречия можно увидеть, анализируя публикации и интервью инициаторов вносимых изменений. Зарубежная практика далеко не так однозначна, как заявлено в обосновании предлагаемых изменений, и свидетельствует она отнюдь не в их пользу. Приведем несколько примеров из разнотипных юрисдикций, где вопрос об иммунитете для исключительных прав решается иными мерами, нежели его отмена.

Первый пример – Китай. В статье 55 действующего на сегодняшний день Антимонопольного закона (2008) сказано, что закон не применяется к осуществлению исключительных прав, но может применяться при злоупотреблениях исключительными правами. Текст статьи доступен на английском языке¹.

«Article 55 This law is not applicable to undertakings who exercise their intellectual property rights in accordance with the laws and administrative regulations on intellectual property rights ; however, this Law shall be applicable to the undertakings who eliminate or restrict market competition by abusing their intellectual property rights. »

Означает ли эта формулировка, что такие дела решаются только через суд? Вообще говоря, не означает. Но все же надо доказывать, что имело место злоупотребление исключительными правами. А тогда это – вопрос частного права.

Второй пример – Япония. Здесь общий иммунитет для осуществления исключительных прав закреплен статьей 21 Акта о запрете частной монополизации и поддержании честной торговли (Антимонопольный акт, 1947)². Текст закона также доступен на английском языке.

«Article 21 The provisions of this Act do not apply to acts found to constitute an exercise of rights under the Copyright Act, Patent Act, Utility Model Act, Design Act or Trademark Act.»

В отличие от антимонопольного закона Китая, здесь нет оговорки о том, что закон может применяться в случае злоупотребления исключительным правом или в каких-то еще случаях. И нельзя сказать, что Япония – слаборазвитая страна с отсталым законодательством.

Третий пример – Канада. Осуществление исключительных прав по общему правилу не признается злоупотреблением доминирующим положением, согласно п. 5 раздела 79 действующего Акта о конкуренции (1985)³. Текст закона есть на двух государственных языках страны, в том числе на английском.

(5) For the purpose of this section, an act engaged in pursuant only to the exercise of any right or enjoyment of any interest derived under the Copyright Act, Industrial Design Act, Integrated Circuit Topography Act, Patent Act, Trade-marks Act or any other Act of Parliament pertaining to intellectual or industrial property is not an anti-competitive act.

Он не такой однозначный и краткий, как в японском законе, но в целом смысл тот же. Этот пример интересен еще и тем, что страна вполне западная.

Приведенные примеры при желании можно рассматривать как исключения, но факт остается фактом: отсутствие иммунитета для исключительных прав – отнюдь не общепринятая практика развитых стран. К тому же и в тех странах, на практику которых ссылаются инициаторы отмены иммунитета, далеко не все однозначно. В развитых странах Европы и в США соотношению антимонопольного законодательства и законодательства об интеллектуальной собственности уделяется, и всегда уделялось, много внимания, поскольку здесь есть предмет для спора. С 2014 г. в Европейском союзе действует Регламент применения статьи 101(3)⁴ Соглашения о функционировании ЕС, заменивший аналогичный

¹ <http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/Businessregulations/201303/20130300045909.shtml>

² http://www.iftc.go.jp/en/legislation_gls/amended_ama09/index.html

³ <http://www.laws.justice.gc.ca/eng/acts/C-34/index.html>

⁴ Commission Regulation (EU) No 316/2014 of 21 March 2014 on the application of Article 101(3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to categories of technology transfer agreements.

Регламент⁵, действовавший с 2004 по 2014 г. При этом ожесточенные споры о том, мешает он инновациям или помогает, но недостаточно, идут все время. Европейским юристам ситуация отнюдь не представляется ясной. Они стараются предусмотреть возможные сложности, составляют, обсуждают и принимают многостраничные документы, пишут пояснения к ним, руководства по применению, а потом снова обсуждают. Не менее сложная и многоплановая дискуссия идет в США. Это видно, в том числе, из статьи [Shelanski, 2013], а также из статьи [Калятин, Павлова, Суспицына, 2013].

Таким образом, обоснование предложения исключить слова об иммунитете исключительных прав из статей 10 и 11 закона о защите конкуренции ссылкой на мировую практику, как минимум, весьма спорно.

Защита исключительных прав на ключевые методы ведения бизнеса позволяет фирмам добиваться устойчивых конкурентных преимуществ и может быть вполне целесообразной с учетом механизмов образования стоимости в цифровой экономике.

Зарубежный опыт патентования бизнес-изобретений

Не менее противоречива практика патентования бизнес-изобретений. С одной стороны, формально бизнес-методы не патентуются по законодательству практически всех стран. С другой стороны, фактически патенты на изобретения, связанные с методами ведения бизнеса, выдаются. Ниже приводится краткий обзор практики и наблюдаемых тенденций по патентованию бизнес-изобретений в ключевых зарубежных юрисдикциях в течение последних десятилетий.

США

Хотя по современным разъяснениям Патентного Ведомства США (далее – USPTO) патентование бизнес-изобретений в США было принципиально возможно с момента создания патентной системы в 1790 г., фактически бизнес-изобретения в начале прошлого века были исключены из круга патентоспособных объектов. В 1908 г. Апелляционный суд второго округа США установил соответствующий запрет в деле *Hotel Security Checking Co. и Lorraine Co*⁶, что стало основой так называемой «доктрины исключения бизнес-методов».

Напомним, что, согласно Патентному закону США⁷ (ст. 101), есть 4 принципиально подлежащих патентованию категории: способ, машина, продукт, состав вещества. При анализе заявки эксперт USPTO, прежде всего, отвечает на вопрос, принадлежит ли заявленное изобретение к одной из этих четырех категорий. При положительном ответе на этот вопрос далее происходит проверка новизны, неочевидности и промышленной применимости, а также того, не заявлено ли на патентование исключение, признанное в судебном порядке, например, абстрактная идея или закон природы. Важно то, что признается не подлежащим охране только заявленное само по себе исключение, а конкретное практическое применение признанного в судебном порядке исключения может быть признано патентоспособным.

В течение 1980-х и 1990-х гг. был принят ряд судебных решений, которые существенно расширили перечень объектов, патентуемых на практике. Прежде всего, открылась возможность патентовать программное обеспечение (далее – ПО), но изменения коснулись и бизнес-изобретений. В 1983 г. впервые была пересмотрена доктрина освобождения бизнес-методов от патентования: в деле *Paine, Webber*⁸ Окружной суд штата Делавэр постановил, что притязание на патентование изобретения не может быть признано недействительным исходя только из того, что решение похоже на бизнес-систему. В течение 1990-х гг., Апелляционный суд США по федеральному округу принял положительные решения по трем делам, относящимся к заявкам, связанным с ПО. В первом деле *In Re Alappat*⁹ суд отметил, что компьютер универсального использования, будучи определенным образом запрограммированным, представляет собой специализированный компьютер, т.е. устройство в смысле ст. 101 Патентного закона, и является патентоспособным, если иные условия патентоспособности соблюдены. В решении по второму делу *In re Lowry*¹⁰ суд постановил, что притязания, относящиеся к машиночитаемости, являются патентоспособными объектами. В третьем деле (1995 г.) *In re Beauregard*¹¹ суд определил, что ПО является патентоспособным объектом в качестве способа производства. Два следующих дела, рассмотренных тем же судом, коснулись непосредственно бизнес-изобретений. В 1998 г. в решении по делу между *State Street Bank and Trust Company и Signature Financial Group, Inc.*¹² суд признал патентоспособным компьютер универсального использования, с установленной на нем компьютерной программой, целью которой было содействие в администрировании взаимных фондов. Данное решение оповестило об окончании доктрины исключения бизнес-методов: их патентование стало возможным в категории «машина» при воплощении с помощью компьютера. Наконец, в 1999 г. в решении по делу *AT&T и Excel Comm.*

⁵ Commission Regulation (EC) No 772/2004 of 27 April 2004 on the application of Article 81 (3) of the Treaty to categories of technology transfer agreements

⁶ <https://cite.case.law/f/155/298/>

⁷ <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/35>

⁸ <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/564/1358/1407627/>

⁹ <https://casetext.com/case/alappat-in-re>

¹⁰ <https://www.courtlistener.com/opinion/676605/in-re-edward-s-lowry-serial-no-07181105/>

¹¹ <https://casetext.com/case/in-re-beauregard>

¹² <https://caselaw.findlaw.com/us-federal-circuit/1152542.html>

Corp.¹³ суд постановил, что притязания на полезный, конкретный и осязаемый результат, использующийся для практического применения, относятся к патентуемым объектам, и никаких физических ограничений и преобразований для патентоспособности не требуется. Это означало признание бизнес-методов патентоспособными уже в категории «способ», без привязки к устройству.

Итак, к началу 2000-х гг. бизнес-изобретения стали фактически патентоспособными в США. Начался бурный рост патентования. Однако недостаток у USPTO экспертов и отсутствие базы данных по существующему уровню техники в данной области существенно снизили качество проведения экспертизы: во многих случаях патент мог быть выдан на очевидный и, что гораздо хуже, ранее уже использовавшийся другими компаниями бизнес-метод.

Бурный рост патентования ПО и бизнес-методов, продолжающийся вплоть до 2007 г., вынудил USPTO, политика которого была впоследствии поддержана судами, ужесточить правила рассмотрения соответствующих заявок с целью прекращения этого неконтролируемого роста. В 2007 г. было выпущено «Временное руководство по экспертизе патентных заявок на предмет правомочности патентования», в котором было определено, что заявленный бизнес-метод должен либо изменять физическую материю, либо быть связанным с конкретной машиной, для того чтобы быть пригодным к патентованию. Методы, не удовлетворяющие этим требованиям, стали считаться непригодными, как «совершенно абстрактные идеи». По сути USPTO стало применять тест «физическая трансформация или машина» в качестве критерия патентоспособности бизнес-методов. Это тест на проверку патентоспособности, в соответствии с которым патентная заявка на способ принимается к рассмотрению, если он либо реализуется с помощью конкретной машины нетрадиционным и нетривиальным способом, либо переводит предмет из одного состояния в другое.

Ужесточение фактических правил игры отразилось и на судебной практике. Ключевыми стали дело *In re Bilski*¹⁴, рассмотренное Апелляционным судом США по федеральному округу в 2008 г., и последовавшее за ним дело *Bilski v. Kappos*¹⁵, в котором решение принимал уже Верховный суд США. В *In re Bilski* суд признал критерий «физическая трансформация или машина» исключительным для определения патентоспособности заявленного процесса. Это не только могло фактически запретить патентование всех новых бизнес-методов, но и поставило под угрозу аннулирования целый ряд выданных ранее патентов – решение получило шквал критики в свой адрес. По итогам пересмотра дела Верховный Суд США (*Bilski v. Kappos*) смягчил решение, отвергнув тест «физическая трансформация или машина» в качестве исключительного критерия патентоспособности, хотя и указав при этом, что данный тест является «полезным инструментом». Далее, в 2014 г. было рассмотрено дело *Alice Corp. v. CLS Bank International*¹⁶, в решении по которому Верховный Суд США уточнил свою позицию. Суд признал патенты на реализуемые с помощью компьютера сервисы электронного депонирования, предназначенные для облегчения финансовых операций, недействительными, мотивировав это тем, что притязания были обращены к абстрактной идее, а реализация этих притязаний с помощью компьютера не является достаточным основанием для патентоспособности. Дело *Alice* стало важнейшим прецедентом: в решении по нему суд фактически внедрил в практику двухэтапный порядок проверки патентов, связанных с ПО и бизнес-изобретениями. На первом этапе необходимо определить, не является ли предметом притязаний непатентоспособный объект (например, абстрактная идея); если это так, на втором этапе необходимо установить, присутствуют ли в заявке другие элементы, превращающие предмет заявки в патентоспособный объект. В случае *Alice* суд не нашел в заявке таких элементов. Решения по делам *Bilski* и *Alice* заметно осложнили выдачу в США новых патентов, а также привели к значительному росту числа апелляций на ранее выданные патенты на ПО и бизнес-методы: с 2015 г. ежегодно оспариваются сотни патентов, причем возражения подаются со ссылкой на решение по делу *Alice*. Стоит, однако, отметить, что процент удовлетворения таких исков ежегодно снижается: в 2015 г. было признано недействительными более 60% оспариваемых патентов, а в 2019 г. – уже менее 50% [Салтиэл Д., 2019].

Практика США показывает, что, помимо сути заявленного бизнес-изобретения, большое значение имеет правильное составление формулы изобретения в патентной заявке. Бизнес-изобретения, патентуемые в США, необходимо привязывать к устройствам или методам, причем простое добавление слов «компьютер» или «процессор» к тексту патентной формулы не является достаточным. В связи со сложностью и неоднозначностью данного вопроса USPTO регулярно обновляет рекомендации по патентованию бизнес-изобретений на специальной странице¹⁷ своего официального сайта. Вопрос о патентоспособности бизнес-изобретений в США далек от окончательного решения.

Европа

В отличие от американского законодательства, в Европейской патентной конвенции (далее – ЕПК) прямо прописано исключение бизнес-изобретений из круга патентоспособных объектов. В статье 52 конвенции указано, что

¹³ <https://cite.case.law/f3d/172/1352/>

¹⁴ <https://casetext.com/case/in-re-bilski>

¹⁵ <https://www.law.cornell.edu/supct/html/08-964.ZS.html>

¹⁶ <https://www.law.cornell.edu/supct/cert/13-298>

¹⁷ <https://www.uspto.gov/patents/basics/types-patent-applications/utility-patent/patent-business>

В частности, не считаются изобретениями:

- 1) *открытия, научные теории и математические методы;*
- 2) *эстетические решения;*
- 3) *схемы, правила и методы игр интеллектуальной или хозяйственной деятельности, а также программы для ЭВМ;*
- 4) *простое представление информации.*

. . . положения . . . исключают патентоспособность объектов или деятельности лишь в том случае, когда заявка на европейский патент . . . касается этих объектов или деятельности как таковых.

Важно, однако, учитывать, что ЕПК не является инструментом Европейского союза и, следовательно, не заменяет автоматически правовые нормы патентного законодательства европейских государств, а является скорее мерой рационализации административной процедуры выдачи патентов [Ullrich, 2002]. В связи с этим формально возможность патентования устанавливается на уровне национальных законодательств после приведения их в соответствие с ЕПК. Проведенный анализ судебной практики в ключевых европейских юрисдикциях – Великобритания и Германия – показал, что в первые десятилетия после внедрения ЕПК (1973 г.) судами выделялась центральная роль наличия технического характера в патентуемом решении. Хотя в статье 52 ЕПК не используется слово «техническое», правильное толкование слова «изобретение», используемого в ней, требует, чтобы заявленный предмет или процесс имели технический характер, а значит являлись промышленно применимыми. Практическое применение данных принципов в отношении возможности патентования бизнес-методов менялось с течением времени. В целом развитие ситуации было с рядом оговорок похоже на судебную практику США: до 1990-х патентование бизнес-методов в Европе было практически невозможно, в течение 1990-х и начала 2000-х происходила либерализация и рост числа выдаваемых патентов, а после 2008 г. последовало ужесточение. В результате к 2015 г. патентование бизнес-методов как таковых в Европе стало весьма затруднительным: так, лишь около 3,4% патентных заявок на финансовые методы достигли стадии выдачи патента [Кароог, Mention, 2015]. К настоящему времени у Европейского Патентного Ведомства сложился так называемый подход «проблема и её решение», состоящий в выполнении экспертом при рассмотрении заявки трех основных шагов: 1) определить ближайший уровень техники, то есть наиболее релевантную часть предшествующего уровня техники и подходящую отправную точку для оценки изобретательского уровня, а также определить разницу между заявленным изобретением и ближайшим уровнем техники; 2) определить технический эффект, обусловленный выявленной на первом шаге разницей, чтобы сформулировать так называемую объективную техническую проблему (то есть техническую проблему, которую заявляемое изобретение успешно решает, по сравнению с ближайшим уровнем техники); 3) выяснить, является ли заявленное решение объективной технической проблемы очевидным для специалиста, знакомого с уровнем техники в целом. Ключевым является то, что при оценке изобретательского уровня должны учитываться только технические признаки и аспекты заявленного изобретения. Поэтому неочевидность бизнес-метода как такового, даже при его явной реализации техническими средствами, еще не означает патентоспособности, необходима неочевидность именно решения технической проблемы.

В заключение этого небольшого обзора можно добавить, что практика патентования бизнес-изобретений существует также в Китае (подход ближе к европейскому), Японии (подход ближе к американскому), Южной Корее и некоторых других странах, в том числе и в России. Однако на оценку ситуации в целом расширение обзора не повлияет. Отметим лишь, что возможность патентования изобретений, связанных с бизнес-методами, предусмотрена и на уровне Всемирной Организации Интеллектуальной Собственности (ВОИС): в 2006 г. в Международную Патентную Классификацию (МПК)¹⁸ был введен соответствующий отдельный подкласс G06Q «Системы обработки данных или способы, специально предназначенные для административных, коммерческих, финансовых, управленческих, надзорных или прогностических целей; системы или способы, специально предназначенные для административных, коммерческих, финансовых, управленческих, надзорных или прогностических целей, не предусмотренные в других подклассах». По данным Роспатента¹⁹ всего в России было выдано 1950 патентов по данному подклассу МПК, из них 100 патентов относились к заявкам 2020-2022 гг., а 1020 являлись действующими на момент написания данной работы.

В целом можно заключить, что в течение последних лет в большинстве стран произошло существенное ужесточение процедуры выдачи патентов на бизнес-методы. Однако это вовсе не означает, что такое патентование стало невозможным: практика продолжается по сей день.

Выводы

Можно резюмировать, что вопрос о конкуренции в цифровую эпоху и мерах по защите конкуренции намного сложнее, чем это пытаются представить сторонники отмены иммунитетов интеллектуальной собственности. Примечательно также то, что представители Роспатента, напротив, выступают за расширение патентной охраны. Их тоже легко понять, если исходить из простого соображения, что каждое

¹⁸ <https://www1.fips.ru/elektronnye-servisy/klassifikatory/mezhdunarodnaya-patentnaya-klassifikatsiya/>

¹⁹ <https://www1.fips.ru/iiss/>

ведомство вынуждено доказывать свою важность и полезность для общества. Дискуссия здесь необходима, но все же очень хотелось бы, чтобы она опиралась на факты, на их внимательное изучение и на реальное понимание сути происходящих перемен.

Литература:

1. Ворожевич А.С., Третьяков С.В. Об утилитарности интеллектуальных прав, принудительных лицензиях и бюрократических рентах // Закон. 2017. № 8. С. 154-179.
2. Доценко А.В., Иванов А.Ю. (2016) Антимонопольное регулирование, цифровые платформы и инновации: ДЕЛО GOOGLE и выработка подходов к защите конкуренции в цифровой среде // Закон. 2016. № 2. С. 31-45.
3. Калятин В. О., Павлова Е. А., Суспицына М. Гражданско-правовое и антимонопольное регулирование исключительных прав: инструмент на выбор // Конкуренция и право. 2013. № 4. С. 50-60.
4. Козырев А. Н. (2021) Сетевые эффекты и цифровые платформы в экономике и математических моделях // Цифровая экономика, вып. 3 (15), С. 5-33
5. Салтиэл Д. (2019) Пять лет решению по делу компании «Alice»: пять уроков из практики разрешения судебных споров, связанных с патентами на программное обеспечение // Журнал ВОИС, № 4, 2019 https://www.wipo.int/wipo_magazine/ru/2019/04/article_0006.html
6. Basu. K. and Hockett, R. (eds.) Law, Economics and Conflict, Cornell University Press, 2021.
7. Basu. K. (2021) New Technology and Increasing Returns: The End of the Antitrust Century? in K. Basu and R. Hockett (eds.) Law, Economics and Conflict, Cornell University Press, 2021.
8. Kapoor R., Mention A.-L. Patenting Financial Innovation in Europe / Conference Paper PICMET 2015
9. Ullrich H., 'Patent Protection in Europe: Integrating Europe into the Community or the Community into Europe?' (2002) 8 European Law Journal 433, 436
10. Shelanski, H.A. Information, Innovation, and Competition Policy for the Internet // U. Pa. L. Rev. 2013. Vol. 161. P. 1663–1705.

References in Cyrillics

1. Vorozhevich A.S., Tretyakov S.V. Ob utilitarnosti intellektual'ny'x prav, prinuditel'ny'x licenziyax i byurokraticheskix rentax // Zakon, № 8, 2017. – S. 154-179.
2. Docenko A.V., Ivanov A.Yu. (2016) Antimonopol'noe regulirovanie, cifrovye platfor-my` i innovacii: DELO GOOGLE i vy`rabotka podxodov k zashhite konkurencii v cifrovoj srede // Zhurnal Zakon № 2 za 2016 god, S. 31-45.
3. Kalyatin V. O., Pavlova E. A., Suspicyyna M. Grazhdansko-pravovoe i antimonopol'noe regulirovanie isklyuchitel'ny'x prav: instrument na vy`bor // Konkurenciya i pravo. 2013. № 4. S. 50-60.
4. Kozy`rev A. N. (2021) Setevy`e e`ffekty` i cifrovye platformy` v e`konomike i matematicheskix modelyax // Cifrovaya e`konomika, vy`p. 3 (15), s.5-33.

Миронов Виктор Николаевич (viktor.mironov@phystech.edu)

Ключевые слова

Бизнес-изобретения, возрастающая отдача, интеллектуальная собственность, защита конкуренции, патенты.

Viktor Mironov, Business invention patents and competition

Keywords

Business invention, increasing returns, intellectual property, protection of competition, patents.

DOI: 10.34706/DE-2022-02-09

JEL classification: F63, K21, L13, O33

Abstract

The article provides a brief overview of global trends in resolving contradictions between the legal monopoly provided by the patenting institute, and the antimonopoly policy, based on literary sources. The author shows that the ongoing discussion on intellectual property immunities could be more productive if the parties critically reviewed the experience of patenting business inventions and the application of intellectual property immunities in developed countries. It is possible that we are on the verge of radical changes in the antimonopoly policy, up to its replacement by some other solution to the contradictions that arise in the digital economy.